

Глава 13

На следующий день оба проснулись ни свет ни заря.

Погода, судя по ясному небу за окном, обещала быть хорошей.

Позавтракав вчерашней кашей, Фань Цзин решил показать Кан Хэ свои уголья и заодно проверить капканы. Правая рука у него всё ещё была повреждена, и натянуть тетиву лука он не мог, так что вся надежда оставалась на ловушки. Иначе придётся возвращаться с пустыми руками.

Утренний воздух в лесу был по-осеннему колким и с непривычки обжигал ноздри, но зато приятно бодрил, проясняя мысли.

Осенний дождь принёс с собой холод.

Хотя сегодня и выглянуло солнце, Кан Хэ всё равно чувствовал, что стало заметно прохладнее, чем в тот день, когда они поднимались в горы.

Он даже пожалел, что не накинул ещё одну рубаху. Но когда они выходили, он увидел, как легко одет Фань Цзин, и устыдился. Сам он был куда крупнее и плотнее, да и одет теплее, так что дополнительная одежда сделала бы его похожим на какого-то неженку.

Однако уже через полчаса пути Кан Хэ был благодарен своей сдержанности. Горные тропы оказались неровными, приходилось то карабкаться вверх, то спускаться вниз. Нагрузка шла не только на ноги: заросшие участки приходилось расчищать.

Рука Фань Цзина была перевязана, и Кан Хэ, разумеется, не мог позволить ему прорубать дорогу. Он взял эту обязанность на себя, вооружившись тесаком. Но что за диво — тот самый тесак, который в руках Фань Цзина, казалось, мог рубить железо, в его руках казался тупым, словно его и не точили вовсе.

Вскоре по спине Кан Хэ ручьями струился пот, и о холоде он уже не вспоминал.

— Кажется, есть добыча.

Фань Цзин, вытягивая шею и озираясь по сторонам, вдруг оживился и, обогнав Кан Хэ, устремился вперёд.

Кан Хэ из любопытства поспешил за ним.

У зарослей дикого кустарника, усыпанного красными ягодами размером с ноготь, была вырыта глубокая яма, футов пяти в глубину. Сверху её прикрывал хрупкий настил из тонких веток, засыпанный прелыми листьями и клочками дёрна, так что ловушка была почти неотличима от обычной земли.

Фань Цзин издали понял, что кто-то попался, потому что маскировка была нарушена.

Однако, когда Кан Хэ подошёл, он не увидел никакой дичи на дне ямы, утыканном острыми бамбуковыми кольями.

Лишь несколько длинных перьев сиротливо лежали на земле.

— Сбежала?

Фань Цзин окинул всё вокруг острым взглядом и ответил:

— Либо сбежала, либо кто-то подобрал.

Судя по его спокойному тону, такое случалось нередко.

— Разве в горах есть другие охотники? — с сомнением спросил Кан Хэ.

Фань Цзин взглянул на него как на неразумное дитя.

— Эти горы тянутся на сотни ли. Неужели ты думаешь, что я тут один промышляю?

Сказав это, он присел на корточки и принялся восстанавливать ловушку.

Кан Хэ заметил на соседнем дереве кусок ткани и спросил у Фань Цзина:

— Это метка, чтобы не забыть, где ловушка?

— Тот, кто постоянно ходит по горам, и так помнит свои ловушки. Это делается для того, чтобы случайные путники не угодили в яму.

— Но ведь так и другие охотники узнают, где ты поставил силки, — возразил Кан Хэ. Ему показалось, что так слишком легко дать другим воспользоваться твоим трудом.

Фань Цзин выпрямился.

— Даже так, нельзя вредить чужой жизни. Такому правилу учат старые охотники, когда берут в ученики.

Кан Хэ проникся уважением.

— А твой наставник... он тоже охотится в этом лесу?

— Давно умер, уже несколько лет как.

— Что случилось?! — удивился Кан Хэ.

— Однажды зимой ушёл в горы и не вернулся. Через два года его кости нашли под обрывом.

Несчастные случаи в горах — дело обычное, но когда Фань Цзин говорил об этом, голос его всё же дрогнул.

Кан Хэ не ожидал такого ответа и на мгновение умолк.

Они двинулись дальше вглубь леса. По пути проверили ещё четыре ловушки: в двух были следы зверей, но добычи не оказалось, а две другие и вовсе стояли нетронутыми.

Прошло всё утро, а они так ничего и не добыли.

По дороге им попались две серые, невзрачные птицы на дереве. Фань Цзин сказал, что их называют «большими глупыми птицами», и мясо у них очень вкусное — в уезде за одну такую дают пятьдесят медяков. Эти птицы редко спускаются на землю и почти никогда не попадают в ловушки, поэтому обычно Фань Цзин сбивал их из лука.

Как назло, сегодня, когда он не мог стрелять, они попались на глаза. Он лишь досадливо

вздохнул.

К полудню они вышли к обрыву. Они взобрались на большой плоский валун, чтобы отдохнуть, погреться на солнце и съесть по лепешке из грубой муки.

Склон утёса был обращён к солнцу, трава и кустарники здесь росли густо, а вид открывался на много миль вперёд.

Кан Хэ заметил вдали реку и спросил:

— Это тот самый ручей, где, ты говорил, гнездятся дикие утки? А рыба в нём есть?

Фань Цзин, откусывая лепешку, кивнул.

— Тогда после обеда пойдём туда, — уверенно заявил Кан Хэ. — Я поймаю пару рыбин, и вечером сварю тебе уху.

В глазах Фань Цзина мелькнула тень усмешки, но ответил он ровным тоном:

— Раз хочешь посмотреть, пойдём обратно той дорогой.

Кан Хэ согласно кивнул. Полуденное солнце приятно согревало, и пронизывающий утренний холод отступил.

Вдруг он отложил лепешку и глубоко втянул носом воздух.

— Чувствуешь? Как пахнет!

Фань Цзин покосился на него.

— Это же аромат орхидеи! — воскликнул Кан Хэ, вставая с камня. Он спрыгнул вниз. — Дикие орхидеи пахнут так сильно. Надо поискать, откуда он доносится.

Фань Цзин наблюдал, как тот, пригнувшись, побродил по краю обрыва и вскоре вернулся с двумя кустиками орхидей, выкопанными прямо с корнем и землёй. Растения были изящными, тонкими, но аромат их был удивительно сильным — даже один распутившийся цветок источал нежный и приятный запах.

— В цветочных лавках такое берут.

— И сколько за них можно выручить? — поинтересовался Кан Хэ.

— Десятка два медяков, может.

Кан Хэ отряхнул землю с рукавов и улыбнулся.

— Что ж, значит, сегодняшней день не прошёл даром.

Сказав это, он сорвал два больших листа дикого таро и аккуратно завернул в них цветы.

После обеда они возвращались вдоль ручья. Вода в нём была кристально чистой — где-то она пробивалась из-под камней, где-то стекала с высоты. В глубоких и спокойных заводях виднелись стайки зелёных рыб: самые маленькие были не больше двух дюймов, а крупные достигали размера мужской ладони.

Едва они приблизились, несколько длинноногих серых цапель, искавших пищу, с шумом сорвались с места и улетели прочь. Фань Цзин с сожалением проводил взглядом улетающих птиц, которые были довольно крупными.

Вот ведь странность: когда он мог пользоваться луком, можно было целый день бродить по горам и не встретить ни глупых птиц, ни цапель. А теперь, когда лук был бесполезен, они сами лезли на глаза. Если бы удалось подстрелить всё, что он сегодня видел, этот поход в горы точно не был бы напрасным.

Бульк.

Звук вывел Фань Цзина из задумчивости. Кан Хэ, который только что стоял на берегу, уже не выдержал, закатал штанины и вошёл в ручей. Он крепче сжал каменное копьё и одним резким движением метнул его в стайку рыб, затаившихся на дне.

Брызги, холодные как льдинки, попали ему на лицо.

Кан Хэ был уверен в своём ударе, но, когда поднял копьё, на острие ничего не оказалось.

Он опешил.

— Не может быть.

Он ведь даже учёл преломление света в воде. В деревне он считался отменным рыбаком.

Сосредоточившись, он нанёс ещё несколько ударов, но все они оказались безрезультатными.

— Должно быть, копьё неудобное, — проворчал он.

Фань Цзин молча подошёл к зарослям у ручья, срубил бамбуковый шест, заострил его конец и протянул Кан Хэ.

Сменив копьё на бамбуковый шест, Кан Хэ ещё несколько раз попытался поймать рыбу. Но всё было тщетно: острие бамбука уже затупилось, а вода в ручье стала мутной от его движений. Не то что поймать рыбу — теперь даже тех, что спокойно стояли на дне, и след простыл.

Он весь взмок, во рту пересохло. С досадой он отбросил бамбуковый шест.

Фань Цзин, который сидел на берегу так долго, что у него затекла спина, наконец лениво произнёс:

— Здесь постоянно охотятся цапли и дикие утки. Рыба уже так натренирована, что стала хитрее лисы. Как ты собирался её так просто поймать?

— Почему ты раньше не сказал?!

Кан Хэ с досадой вылез из ручья. Пальцы на ногах сморщились от холодной воды.

Фань Цзин, видя, что тот уже натешился, поднялся и пошёл обратно к хижине.

— А вдруг бы тебе повезло, и мы бы поели рыбы.

Кан Хэ понял, что Фань Цзин над ним посмеивается.

— Ты только жди, — крикнул он ему в спину, — рано или поздно я накормлю тебя этой рыбой!

Фань Цзин ничего не ответил, великодушно сохранив ему остатки достоинства.

Когда они вернулись к хижине, солнце уже садилось. Сегодня они возвращались практически с пустыми руками. Фань Цзин сразу же направился за дом, достал точильный камень и принялся затачивать ножи.

Кан Хэ увидел, что ему неудобно работать левой рукой, и хотел помочь, но Фань Цзин не позволил.

После войны цены на железо росли с каждым годом. В деревнях люди так обеднели, что многие несли свои мотыги и плуги в городские кузницы, чтобы выручить хоть какие-то деньги. В самые тяжёлые времена отец Фань даже продал чугунный котёл, который достался ему на свадьбу.

Да и сейчас железные изделия стоили недёшево. Хороший тесак в лавке мог стоить больше сотни медяков. Фань Цзин очень дорожил своими немногочисленными инструментами.

Видя это, Кан Хэ отступил, лишь посоветовав ему точить медленнее, чтобы не повредить правую руку, а сам пошёл в дом готовить ужин.

В горах температура была ниже, и еда хранилась дольше, но всё же со временем она теряла свежесть и вкус. Костей, которые он принёс вчера, оставалось ещё много, и он решил готовить их понемногу каждый день, пока не закончатся. Лучше съесть, чем хранить до тех пор, пока они не испортятся.

Он промыл две свиные лопатки, бросил их в котёл, добавил перца и старого имбиря и поставил вариться на медленном огне. Конечно, будь у него корица, лавровый лист, кардамон, бадьян и прочие пряности, бульон получился бы куда ароматнее. С такими приправами можно было бы приготовить что угодно — хоть тушёное мясо, хоть маринованные овощи, и всё было бы восхитительно.

Отмерив примерно по три-четыре ляна на человека, он замесил тесто, накрыл его чистой белой тканью и оставил подходить.

Он высунул голову из хижины и крикнул Фань Цзину:

— Вечером будет лапша.

Фань Цзин на мгновение задумался, какая ещё лапша, но, заглянув внутрь, понял, что Кан Хэ собирается готовить лепёшки в бульоне. Он не возражал против любой еды. Раньше, живя в горах в одиночку, он ел что придётся. Обычно это были лепёшки и хлеб, которые он приносил из дома. Временами он варил кашу, но никогда не жарил овощей и уж тем более не возился с тестом.

— Угу, — промычал Фань Цзин, хотя уже чувствовал аромат варящихся костей.

— Так тебе какую лапшу — широкую или тонкую?

— Всё равно.

— Что значит «всё равно»? У меня нет такого варианта. Быстро говори: широкую или тонкую.

Фань Цзин прекратил точить нож и поднял голову, взглянув на высунувшегося из двери Кан Хэ. Видя, что тот не отстанет, пока не получит ответа, он произнёс два слова:

— Тонкую.

— Вот и славно.

Солнце село, от земли потянуло холодком, и поднявшийся ветер пробирал до костей.

В хижине же весело трещали дрова в очаге. Кости в котле источали мясной аромат, и белый пар наполнил половину комнаты. Запах вечерней еды и отблески огня, где бы ты ни был, всегда дарят душе особое чувство уюта и покоя.

Закончив с ножами, Фань Цзин вошёл в дом, сел на низенькую скамеечку у очага и стал следить за огнём. Он заметил, что Кан Хэ не торопится с лапшой. Вместо этого тот сначала высадил принесённые орхидеи в землю во двореке, а потом сходил неподалёку и нарубил молодого бамбука.

Он всё время был в движении, снуя туда-сюда, и, что самое удивительное, обо всём докладывал ему.

— Почему ты любишь тонкую лапшу? Свежие овощи в неё добавлять?

— Я так хорошо ухаживаю за этими орхидеями, что к нашему возвращению они наверняка ещё будут цвести.

— Бамбук в горах такой стройный, кора у него должна быть очень прочной.

Уши Фань Цзина гудели. Ему казалось, будто он не в уединённой хижине посреди гор, а у себя дома на кухне. Он никак не мог понять, как один человек может столько говорить и создавать столько шума.

Когда совсем стемнело, Кан Хэ наконец перестал выходить на улицу. Он вымыл руки, раскатал лапшу и бросил её в кипящий бульон. Перед самой готовностью он добавил пучок дикого лука, который выкопал, пока ходил за бамбуком.

Свежеприготовленная лапша, залитая наваристым свиным бульоном и посыпанная мелко нарезанным зелёным луком. Когда Кан Хэ поставил перед ним большую глиняную миску, аромат был таким, что слюнки потекли.

Фань Цзин оценил вид блюда — ничуть не хуже, чем в лапшичных в уездном городе. Попробовав бульон, он понял, что Кан Хэ его обманул: тот определённо умел готовить. В их семье тоже часто ели лапшу, но чтобы варить её на костном бульоне — такого никогда не было. Обычно ели простую лапшу без всего, и это уже считалось большим удовольствием.

Под завывание ветра снаружи они сидели в уютно запертой хижине и с наслаждением съели по большой миске лапши, выпив бульон до последней капли.

После ужина перевязка сегодня не требовалась. Кан Хэ принёс Фань Цзину ведро горячей воды, чтобы тот попарил ноги. Распарив ноги докрасна, Фань Цзин вытер их и лёг в постель. Раньше он, бывало, выходил побродить неподалёку в надежде наткнуться на ночного зверя, но теперь, без лука, он не решался рисковать.

То ли из-за раненой руки он стал больше спать, то ли по какой-то другой причине, но, едва улегшись, Фань Цзин задышал ровно и спокойно. Во сне ему было необычайно тепло, а за занавеской долго горел тёплый жёлтый огонёк.

Кан Хэ не спешил ложиться. Он принялся нарезать принесённый бамбук на тонкие полоски. Прежде чем огонь в очаге окончательно погас, он подбросил дров ещё раз шесть или семь.

***

<http://bllate.org/book/13421/1194821>